

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

Эта неточность в цитировании особенно досадна потому, что правильным чтением является именно *ياسى*, а не *ياشنى*. Далее, в комментарии

Джумагулова сказано, что «в переводе Д. А. Хвольсона мы впервые сталкиваемся с указанием времени года». Но в переводе Хвольсона такого указания нет. Это чтение (куз — осень) предложил К. Залеман в примечании к переводу Хвольсона.¹⁰

В 3-й строке Ч. Джумагулов предлагает читать вместо *Саума* (распространенное сирийское имя) *чума*, а, исходя из этого, предыдущее слово понимать как *аура* — болезнь, в целом дает следующий перевод всей надписи: «Осень года лошади была; эта болезнь — чума (т. е. осенью и весной этого года была распространена болезнь чума); пусть ему будет память (или: пусть его место будет спокойным, удобным) этого верующего сына Ильташа» (с. 103).

Этот перевод не может быть принят. Сирийское *м'хайманā* — «верующий» в сиро-тюркских надписях всегда стоит после определяемого, в данном случае оно относится к слову *Саума*, обозначающему имя усопшего. Далее, тюркское выражение *йат полсун* во всех семиреченских надписях завершает формулу, так что нет никаких оснований при переводе выносить его в начало фразы, тем более что этот прием не только не проясняет текст, а скорее запутывает.

Проще всего в данном случае было бы обратиться к работе П. К. Коковцова, где есть исправленное чтение этой надписи: вместо непереводимого *куиз йас* — «осень йас» следует читать *'унданасы* — «его кончина», вместо *аура* — «болезнь» — *қаура* (фонетическое написание сирийского *קבורה*, — А. П.) — «могила». Перевод этой надписи, данный П. К. Коковцовым, вполне осмыслен и надежен: «В году лошади была его кончина. Это могила Саумы верующего, сына Ильташа. Да будет (ему вечная) память!». ¹¹

Глоссарий, приложенный к текстам, нуждается в тщательной выверке и исправлении, ибо он пестрит ошибками. Так, слово *учāгу* встречается в надписи № 28, ссылка — на № 6; выражение *аудай едта* в надписи № 2, ссылка — на № 1; *алкышлыг* в надписи № 13, ссылка — на № 20; «аскулия» в надписи № 28, ссылка — на № 6; слово *қабра* встречается в надписях № 3—5, 8—10, 12, 15, 19, 27, 28, указаны только № 4, 12.

Вряд ли целесообразно было приводить список имен собственных, поскольку подобный список, но более полный и точный, был составлен и опубликован П. К. Коковцовым еще в 1907 г.¹²

А. Пайкова.

Памятники армянской агиографии, вып. I. Перевод с древнеармянского, вступительные статьи и примечания К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1973, 328 с.

Армянская агиография до недавнего времени практически оставалась неизвестной русскому читателю и недоступной даже для узкого круга филологов — славистов и византистов. Между тем она представляет несомненный интерес как с точки зрения изучения развития агиографического жанра вообще, так и для прослеживания его особенностей в одной

¹⁰ Там же.

¹¹ П. К. Коковцов. К сиро-тюркской эпиграфике Семпречья. СПб., 1909. с. 785.

¹² П. К. Коковцов. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями, с. 440—458.

из литератур византийского культурного круга. Поэтому появление данной публикации уже следует оценить как важный вклад в дело расширения наших представлений о характеристике этого жанра. Книга охватывает 17 памятников армянской литературы — жития Саака и Маштоца, Степаноса Сюнеци, Нерсеса Благодатного, Георга Скевраци, Григора Хлацети, Товмы Мецопеци и мученичества Воскянов, Сукиасянцев, Атомянцев, Шушаник, Ваана Гохтнаци, Хосрова Гандзакеци, Осепа Двинеци, Григора Балуеци, Григора Карнеци, Степаноса Исповедника, Мирака Гавризеци. Тексты расположены в хронологическом порядке.

Как справедливо отмечается в предисловии (с. 34), памятники, включенные в сборник, «неравноценны по своим художественным и историческим достоинствам». Среди них имеются как произведения, стоящие на высоком уровне (жития Нерсеса Благодатного, Георга Скевраци и особенно мученичества Шушаник и Ваана Гохтнаци), так и схематичные, скромные жизнеописания. Для правильной оценки литературного явления целесообразен именно такой подбор материала, так как при этом наиболее четко вырисовываются его особенности. Здесь можно наблюдать развитие художественных критериев и литературных приемов внутри жанра, конкретные проявления творческого подхода к канонизированным схемам построения агиографических произведений и т. д. Так что не будет преувеличением выразить уверенность в том, что настоящий сборник, разумеется вместе с предполагаемым вторым выпуском, может дать полное представление об армянской самостоятельной агиографии (исключая переводную).

Каждый из представленных в сборнике памятников снабжен краткой вступительной статьей и примечаниями. Во вступительных статьях рассматриваются филологические вопросы, связанные с проблемами авторства, времени создания и источников переводных произведений. Примечания посвящены в основном объяснению встречающихся в переводе армянских слов, личных имен и географических названий, текстологическим уточнениям, предложенным составителем сборника. В книге помещен и небольшой очерк истории агиографического жанра в древнеармянской литературе (=Предисловие, с. 5—34). Как вступительные статьи, так и этот очерк носят обзорный характер и не претендуют на глубокое историко-филологическое исследование привлеченных памятников. Их цель только ознакомить читателя с результатами, достигнутыми арменистикой в данной области. Однако, несмотря на это, некоторые характеристики и выводы автора (К. С. Тер-Давтян) заслуживают внимания и должны быть учтены при дальнейшем изучении армянской агиографии. Что касается самого перевода, то он выполнен на высоком научном уровне и внушает полное доверие как в точности передачи содержания, так и стилистических особенностей оригинала. Здесь следует сделать одну оговорку: данный перевод, с текстуальной точки зрения, не может считаться совершенно надежным, так как он основывается, за некоторым исключением, не на научных изданиях текстов, а часто на случайных, некритичных публикациях. Однако недостаток этот объективного характера и ничуть не оттеняет работу автора. К. С. Тер-Давтян была вынуждена обратиться к таким публикациям, поскольку проблема научного издания армянской агиографии все еще ждет своего решения.

Но есть в книге отдельные погрешности, которые уже нельзя отнести к объективным причинам. Среди них самым главным нам представляется то, что, будучи написанной не для специалистов-арменистов, книга не совсем отвечает этой цели. Это касается не перевода, а предисловия, вступительных статей и примечаний. Здесь нередко встречаются сведения, которые нуждаются в дополнительных разъяснениях. Так, например, в предложении «В армянской литературе особая заслуга в этом деле

[в составлении агиографических сборников] принадлежит Григору Вкайасеру (Мартирофилу), сыну Григора Магистроса» (с. 10) последние слова ничуть не уточняют личность Григора Вкайасера, поскольку теперь уже возникает необходимость выяснить, кто такой Григор Магистрос. Читателю, незнакомому с историей армянского народа, ничего не говорят слова «в царствование Хетума и его сына Левона II» (с. 11), вместо которых следовало бы написать «в царствование *киликийских армянских царей Хетума*» и т. д. При упоминании армянских историков и других представителей духовной культуры — Вардан Багишеци (с. 12), Степанос Орбелиян (с. 17), Ованес Драсханакертци, Самвел Анеци, Киракос Гандзакечи (с. 29) — необходимо было указать век, в котором они жили и творили. Иногда К. С. Тер-Давтян не отмечает, на каких источниках основываются высказываемые очень важные мнения, как «в первые сборники [V в.] вошли житие Григора Лусаворича (Просветителя), мученичество святых Рипсимянских дев, жития Месропа Маштоца и Саака Партева» (с. 10); «этот сборник [составленный в IX в. агиографом Гагиком] явился одним из источников армянских Четий-Миней» (с. 10). Армянские слова, имеющие значение своеобразных терминов и поэтому оставленные без перевода, часто упоминаются без объяснения (лусаворич (с. 6), вардапет (с. 10, 11), саркаваг (с. 19), нахарар (с. 27, 28), востикан (с. 30), шаракан (с. 55) и т. д.). Несмотря на то что часть из них в дальнейшем, в связи с переводом конкретных текстов, освещается в примечаниях, это не облегчает труд читателя. Чтобы найти значение нужного слова, ему надо внимательно прочесть все примечания, занимающие 30 страниц. Небольшой список этих слов, помещенный в конце книги, мог бы полностью исключить это неудобство. Надо отметить также некоторую непоследовательность в русской транскрипции армянских собственных имен. Эти досадные погрешности, конечно, бросают тень на кропотливо выполненную работу автора, но никак не могут повлиять на ее общую высокую оценку.

В заключение хочется выразить пожелание, чтобы после второго выпуска автор продолжил работу в этом направлении и подготовил еще один том из тех переводных агиографических памятников, оригиналы которых утрачены и которые сохранились только в армянском переводе. Можно отметить, например, неизвестную по оригиналу редакцию жития Василия Кесарийского, житие Маруты Майферкатского, мученичества Иаздандухт и Бардишо, переведенные с греческого и сирийского. Здесь, однако, надо учесть, что эти переводы уже будут представлять интерес и с текстологической точки зрения, особенно для византиноведов и сириологов. Поэтому ввиду отсутствия критических текстов армянских переводов надо хотя бы дать различения всех личных имен и географических названий по имеющимся рукописям.

Л. А. Тер-Петросян.